

Хотя Международное общество истории медицины (МОИМ) существует более 90 лет (с 1921 г.) и проводит свои форумы раз в два года (см. «МГ» № 81 от 15.10.2004, № 77 от 11.10.2006 и № 90 от 28.11.2008), это был первый конгресс на территории бывшего СССР. Он проходил под эгидой МОИМ, Грузинской академии наук и Тбилисского государственного медицинского университета (ТГМУ).

Медея, Везалий и другие

Девиз конгресса – «Великий шёлковый путь и медицина». Как отметил в своём приветствии президент нынешнего конгресса и вице-президент МОИМ, заведующий кафедрой истории медицины и медицинской этики ТГМУ профессор Рамаз Шенгелия, на протяжении столетий этот путь, проходивший, в том числе, по территории нынешней Грузии, соединял Запад и Восток (Европу и Китай).

Географическое положение страны на перекрёстке двух цивилизаций оставило неизгладимый отпечаток на её культуре вообще и медицине в частности. Р.Шенгелия также упомянул миф о Мееде, дочери колхидского царя Ээта. Прибывший в Колхиду за золотым руном аргонавт Ясон женился на Мееде, усыпившей с помощью трав охранявшего руно дракона. Позднее брошенная Ясоном Медея живо сожгла соперницу, затем убила своих сыновей от Ясона и скрылась на крылатой колеснице, запряжённой драконами. В Грузии и Абхазии установлены памятники Мееде.

По мнению некоторых грузинских историков медицины, именно от её имени произошло слово «медицина» (см. «МГ» № 90 от 19.11.1997). Пленарный доклад Шенгелия был посвящён медицинской антропологии и завершился призывом создать единое биоэтическое пространство Кавказа для защиты фундаментальных прав человека. Вопрос в том, как его создавать и почему надо ограничивать это пространство рамками кавказского региона?

Тему Мееде продолжил доклад предыдущего президента МОИМ Афанасия Диамандопулоса (A.Diamandouroulos, Греция) «Свадебные дары Мееде: миф и биомедицинская реальность». Предложив альтернативные варианты истории, отличные от сюжета знаменитой пьесы Еврипида, докладчик попытался реабилитировать Мееде. Например, считает он, детоубийство не является из ряда вон выходящим поступком – ежегодно в США около 3 тыс. детей погибает от рук своих родителей.

Медея же находилась в состоянии аффекта. «С чисто медицинской точки зрения Медея обладала неустойчивой психикой и, будучи уязвлённой, отомстила, используя свои познания в травах и ядах. Она также была благонамеренной предсказательницей и искусной врачевательницей. Человеческая душа – это пропасть», – резюмировал Диамандопулос.

Одной из основных тем конгресса была личность и труды выдающегося фламандского анатома Андрея Везалия, чьё

500-летие отмечается в этом году. Ему были посвящены два пленарных доклада и специальная сессия. Президент МОИМ профессор Джорджо Занкин (G.Zankin, Италия), будучи практикующим неврологом, посвятил доклад нейроанатомии Везалия. Внук основателя МОИМ Жан-Пьер Трико (J.-P. Tricot, Бельгия) рассказал о плагиаторе Везалия Хуане Вальверде, который издал в 1556 г. на испанском языке (спустя 13 лет после первой публикации Везалия «De Humani Corporis Fabrica») под своим

Панорама Тбилиси

Итоги и прогнозы

Несостоявшиеся похороны

В Тбилиси собрались участники 44-го конгресса Международного общества истории медицины

Выступает Ж.-П. Трико

именем книгу, где были те же самые иллюстрации, что и у Везалия, кроме трёх.

Надо сказать, плагиаторов Везалия было несколько, но издатель книги Вальверде на латыни и нидерландском Кристоф Плантен из Антверпена снабдил её высококачественными гравюрами на меди. Поскольку объём этой книги по анатомии человека был существенно меньше, чем у Везалия, а иллюстрации лучше, она имела большой успех. Вначале Везалий возмущался, обвинив Вальверде в том, что тот сам не сделал ни одного вскрытия. Однако затем он вовсе перестал обращать внимание на плагиаторов, поскольку утратил интерес к анатомии.

Сравнивая рисунки в книгах Везалия и Вальверде, Трико приходит к выводу, что первый ориентировался на художников и скульпторов, тогда как второй – на хирургов (например, имеется дополнительный рисунок, на котором указаны предпочтительные места для кровопускания).

О статьях, посвящённых Везалию, опубликованных в журнале МОИМ, названном именем

Везалия, рассказал его редактор Кеннет Коллинс (K.Collins, Великобритания). Таких статей было 15, начиная с публикации Вивiana Наттона (V.Nutton) (1999 г.).

Териак в Тибете

Другая специальная сессия была посвящена Шёлковому пути и циркуляции медицинских знаний от Китая до Средиземноморья. Её организатором был Ален Туваид (A.Touwaide, США), создавший Институт

сохранения медицинских традиций (Institute for Preservation of Medical Traditions). Целью этого недавно возникшего института является изучение терапевтического наследия древних и современных традиционных культур для их последующего практического применения. Например, в так называемом «Гиппократовом сборнике» есть четыре упоминания об «индийских лекарствах» и об одном персидском.

На сессии прозвучало 7 докладов – выступили, в частности, историк, историк медицины, эпидемиолог и врач-натуропат, и эта мозаика наглядно иллюстрировала различные аспекты распространения лекарств и медицинских концепций с Востока на Запад и обратно, с Запада на Восток.

Термин «Шёлковый путь» (Seidenstrasse) предложил в 1870-е годы Фердинанд Фрайгерр фон Рихтгофен (1833-1905), но сейчас предпочитают употреблять его во множественном числе (Шёлковые пути), включая сюда все торговые пути (как морские, так и наземные) между Восточной Азией и странами Средизем-

номорья. К.Гривас (С.Grivas, Греция) провёл довольно смелую параллель между венами (phlebes) в «Гиппократовом сборнике» и меридианом мочевого пузыря (mo) в китайской акупунктуре. По утверждению докладчика, и в том и в другом случае речь идёт о схожей системе лечения, но у китайцев акупунктура постепенно заменила кровопускание.

Во втором выступлении Гриваса сравнивались древнегреческие и тибетские рецепты – териак и так называемые «драгоценные пилюли» (rinchen rilbu). Как известно, Гален разделял антидоты на три класса: первый – против ядов, второй – против ядовитых животных и

ты с Востока. С другой стороны, Гален мог заимствовать рецепт для облегчения родов из Индии. Впоследствии териак был импортирован в Тибет из Европы, но его состав существенно отличался от европейского большим содержанием минералов.

Почему мочегонные травы античного Средиземноморья были неизвестны в Древнем Китае и наоборот? Отвечая на этот вопрос, натуропат Эрик Ярнелл (E.Yarnell, США) выдвигает три гипотезы. Во-первых, каждая медицинская система имела свои эффективные диу-

ретики и не нуждалась в других. Во-вторых, мочегонные травы были недостаточны дороги, чтобы оправдать расходы по их транспортировке на большие расстояния. В третьих, философские основы медицины Европы и Китая настолько различны, что адепты одной системы не понимали адептов другой и пользовались только своими лекарствами.

Данный автор также представил (на другой сессии) совместный с Аленом Туваидом доклад о растительных мочегонных в трактате Диоскорида «De Materia Medica» (I век н.э.). Таковых было идентифицировано 105.

Действительно ли описанные

Т. Сорокина председательствует с архимандритом А.Ахаладзе

третий – против болезней, вызванных нарушениями питания. Некоторые антидоты могут применяться во всех этих случаях. Например, териак (от греческого therion – дикое животное).

Сравнивая «драгоценные пилюли» с териакком, автор приходит к выводу, что идея многокомпонентных лекарств для лечения любого отравления и внутренних болезней была общей как для тибетцев, так и для греков. В состав териака входили импортные ингреди-

Диоскоридом травы обладают мочегонным действием? Были проанализированы современные базы данных (PubMed, Embase и Science Direct) на предмет клинических или доклинических испытаний этих трав по ключевым словам (название растения на латыни и английском плюс «мочегонное»).

Всего таких испытаний проведено 8, причём в 7 случаях подтверждена их эффективность. Выводы: 83% трав,

упомянутых Диоскоридом в качестве мочегонных, на самом деле являются диуретиками; многие из них до сих пор применяются в клинической практике; «De Materia Medica» может использоваться в качестве отправной точки для поиска новых растительных диуретиков. К сожалению, качество самих клинических испытаний автором не анализировалось.

Син Брадли (S. Bradley, США) проследил включение мирры, произрастающей на Аравийском полуострове, в китайскую фармакопею. В «Гиппократовом сборнике» мирра упоминается более 100 раз (преимущественно в разделах по родовспоможению и женским болезням). У Диоскорида это растение также часто рекомендуется при различных заболеваниях. В китайской фармакопее мирра появилась значительно позже (возможно, во времена династии Сон (960-1279 гг.) или же династии Мин (1368-1644 гг.), и применялась для лечения ран.

Подводя итоги сессии, Ален Тувэд подчеркнул, что будущее принадлежит сравнительным историко-медицинским исследованиям. Необходимы новые методические подходы. Сейчас много говорят о так называемой доказательной медицине, но история медицины тоже должна быть доказательной. В основе исследования должна лежать гипотеза, которую нужно подтвердить или опровергнуть (hypothesis-driven investigation).

Перспективными представляются ему транскультуральные (transcultural) подходы, которые позволяют ответить на вопрос: развивалось ли то или иное явление (теория, методика лечения и т.д.) одновременно в разных культурах, или же речь идёт о переносе знаний между культурами.

К сожалению, такая сессия была единственной. Других примеров исследований, основанных на гипотезах, на конгрессе, увы, не прозвучало.

Политические доктрины и медицинское мышление

Из прочих выступлений хотелось бы отметить доклад Акселя Каренберга (A. Kargenberg, Германия) «Как политические доктрины формировали медицинское мышление: примеры из античности». Например, идея, что мозг управляет телом, тесно связана с идеей Платона о философе-правителе государства. Ученик Платона Аристотель придерживался другой точки зрения и считал источником восприятия, движения и чувств сердце, сравнивая этот орган с акрополем.

Авторы «Гиппократова сборника» разработали концепцию четырёх гуморов (жидкостей), гармоничное соотношение которых символизировало демократическое взаимодействие разных групп в греческом обществе. Если избыток одной жидкости вызывал вредоносную «тиранию» среди внутренних частей тела, наступала болезнь. Гален, подобно императору, собравшему разные территории в одну Римскую империю, синтезировал различные медицинские тради-

ции. Подобных параллелей можно провести множество.

Например, известный историк медицины Овсей Тёмкин (1902-2002) связал появление теории клеточной патологии Вирхова с демократической революцией 1848 г. «Очевидна связь между демократическими республиканскими идеями (которые считают источником добродетели и греха гражданина) и клеточной патологией

Р. Шенгелия (справа) награждает Г. Занкина

(которая считает источником здоровья и болезни клетку)», – утверждал он.

Не менее очевидна связь павловской теории нервизма с коммунистической властной вертикалью. Проблема в том, что, увлекаясь яркими метафорами, мы можем недооценить роль традиции.

Доклад вызвал оживлённую дискуссию. Например, в какой степени на античную медицину повлияла медицина Древнего Египта? По словам вышеупомянутого Алена Тувэда, ренессансная идея о Гиппократе и Галене как основателях современной медицины является ошибочной. Произошёл искусственный отбор, в результате которого многие античные медицинские рукописи были забыты или уничтожены. На самом деле в античности могли доминировать магические практики, а не рациональные теории Гиппократ и Галена. «Необходим новый взгляд на античную медицину», – считает Тувэд.

По-новому попытался на неё взглянуть в своём докладе заведующий кафедрой истории медицины, истории отечества и культурологии Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова профессор Дмитрий Балалыкин, предложивший идею религиозно-философской системы как фактора развития медицины в донаучный период (до начала научной революции на рубеже XVII века). В качестве примера был взят Гален. Почему галенизм доминировал в европейской медицине более полутора тысяч лет?

О роли религии в западных традициях медицины и врачевания рассказал профессор Гари Фернгрэн (G. Ferngren, США), автор недавно вышедшей книги «Медицина и религия: историческое введение» (см. «МГ» № 64 от 29.08.2014).

Древо желаний

Конгрессы МОИМ позволяют оценить уровень историко-медицинских исследований в тех странах, где они про-

водятся. История медицины Грузии была широко представлена на данном форуме. Н. Дурмишидзе рассказал об отце президента нынешнего конгресса профессоре Михаиле Софроновиче Шенгелия (1915-1999), который являлся одним из пионеров в области грузинской истории медицины и этномедицины.

Ещё в 1956 г. он создал соответствующий отдел на базе НИИ паразитологии и тропической

медицины в Тбилиси. Основатель Музея истории медицины (1963), автор учебника по истории медицины Грузии, заведующий кафедрой истории медицины Тбилисского мединститута (ныне ТГМУ), Шенгелия задал высокую планку для следующих поколений историков медицины. Сейчас эта кафедра объединяет историков медицины и философов, преподающих биоэтику. История биоэтики была одной из основных тем конгресса, а сотрудники кафедры выступили с докладами по этическим проблемам эвтаназии, психиатрии, страховой медицины и т.д.

В частности, оживлённую дискуссию вызвал доклад Бели Мамулашвили об этике в психиатрии, где затрагивались вопросы использования психи-

атрии для борьбы с диссидентами в советский период (т.н. «карательная психиатрия»). По мнению автора, «диагноз психического расстройства не должен быть основан на несоответствии взглядов и веры личности с взглядами и верой, принятыми в обществе».

Проректор ТГМУ профессор Георгий Абесадзе рассказал о создании биографической энциклопедии (Who's Who) сотрудников этого университета. В неё решено включить только умерших, имевших учёную степень и/или звание (кандидаты и доктора наук, доценты, профессора, академики), представив информацию об их научно-педагогической деятельности, публикациях, изобретениях и т.д. из государственных и семейных архивов. Неплохо бы российским медицинским университетам перенять опыт грузинских коллег.

Примером исследований в

области энтомецины явился доклад К. Хуцишвили об использовании деревьев для исцеления (т.н. «древа желаний»). Такие деревья, украшенные тряпочками, являются объектом поклонения, причём эта практика, идущая с языческих времён, продолжается и поныне. Многие священные деревья расположены рядом с православными грузинскими храмами.

В нынешнем году отмечается столетие начала Первой мировой войны, оказавшей колоссальное влияние на все стороны жизни, включая медицину и здравоохранение. К сожалению, данная тема не была включена в число основных (хотя Кавказский фронт играл существенную роль во время этой войны).

Лишь два доклада на конгрессе были посвящены Первой мировой войне. Профессор Ани Маговска (A. Magowska, Польша) рассказала о военных неврозах на Восточном фронте (для России он был Западным фронтом), а автор этих строк – о лечении ран головы в русской армии в 1914-1917 гг.

Заведующая курсом истории медицины Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова профессор Татьяна Сорокина (Москва) представила два доклада: о первых описаниях гипоксии на Великом шёлковом пути и о российских приоритетах в области медицины во время Крымской кампании 1854-1855 гг., и была удостоена почётного диплома и медали МОИМ «Золотое руно истории медицины» – «за важный вклад в историю медицины».

Д. Балалыкин (слева) и Г. Фернгрэн

К сожалению, многие сессии, по причине отсутствия заявленных докладчиков прошли по сокращённой программе. Например, на сессии по истории и общей теории медицины было заслушано 3 доклада из 8, а на одной из последних сессий был лишь 1 доклад из 5.

Наверное, это был самый малочисленный конгресс за всю историю МОИМ. По сведениям организаторов (для его проведения была нанята одна греческая компания), зарегистрировалось 62 участника из 28 стран. С учётом незарегистрированных грузинских коллег общее количество участников съезда не превышало 100 человек. Тем не менее проведение международного конгресса в стране, ещё не оправившейся от гражданских и межнациональных потрясений и находящейся в сложном экономическом положении, можно назвать научным подвигом.

Вымирающая специальность?

В заключение хотелось бы процитировать недавнюю заметку в журнале The Lancet, подписанную его редактором Ричардом Гортоном (R. Horton). Суть выражена в заголовке: «Умиряющее тело истории медицины». Ссылаясь на Овсея Тёмкина, Гортон напоминает читателю, что «задача историка – интерпретировать, а не только документировать». Историки медицины должны соединять изучение прошлого с сегодняшними проблемами, «раскрывая цели, отношения, мотивы, моральные и религиозные убеждения» своих героев – учёных, врачей, медсестёр, больных. Как говорил О. Тёмкин, историки никогда не смогут быть пророками или проповедниками, но они могут и должны изучать человеческие реакции на события и обстоятельства – от трансформации медицины в бизнес до проведения медицинских исследований в ответ на требования рынка.

«Задача историка – укрепить нашу способность сопротивляться неблагоприятным трендам и вызовам нашего времени», – пишет Гортон. – Но сегодня подавляющее большинство историков медицины начисто лишено подобных амбиций. Похоже, им нечего сказать о важных вопросах прошлого, которые могли бы быть значимыми для современности. Они невидимы, неслышимы и в результате несущественны». За последние 20 лет, продолжает Гортон, историки медицины не создали почти ничего, что позволило бы нам по-новому понимать болезнь и здоровье.

Вывод (вернее – диагноз), к которому приходит редактор The Lancet, неутешителен: «История медицины – область деятельности, лежащая при смерти на своём пути в академический морг. ... Где же сегодняшние историки, которые осветили бы прошлое, в то время как мы боремся с агрессивной коммерциализацией медицины, провалами профессионального лидерства, рассуждениями о свободе воли и смерти, злоупотреблениями лекарствами, параличом общественного здоровья или катастрофическими провалами в оказании медицинской помощи? Они, похоже, испарились, оставив после себя мёртвую и инертную пыль».

Эта заметка обсуждалась в кулуарах съезда, но никак не комментировалась с трибуны. Хотя с момента её публикации прошло несколько месяцев, откликов в журнале The Lancet тоже не появлялось. Может, возразить тут нечего? Представляется, что диагноз не столь безнадежен. Например, с этого года в Первом МГМУ им. И.М. Сеченова начал выходить двуязычный ежеквартальный журнал «История медицины», изучаются и переводятся труды античных классиков, ежемесячно заседает Московское научное общество историков медицины, наконец-то создано Российское общество историков медицины (РОИМ), которое соберётся на свой I съезд в Москве в апреле будущего года. Так что слухи о смерти истории медицины несколько преувеличены.

Болеслав ЛИХТЕРМАН,
спец. корр. «МГ».

Тбилиси – Москва.